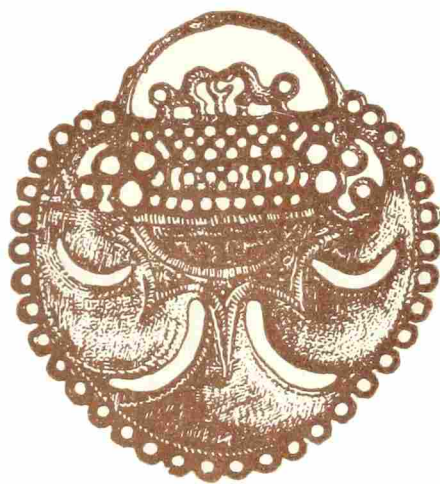

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ **АРХЕОЛОГИЯ**

3

1984

КАБАНОВ С. К.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ИЗУЧЕНИЮ ГЕНЕЗИСА ФЕОДАЛИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(по материалам Нахшеба, Хорезма и долины р. Чу)

Вопрос о характере переходного периода от рабовладельческой общественно-экономической формации к феодальной в условиях Средней Азии был поставлен выдающимися историками и археологами С. П. Толстовым и А. Ю. Якубовским. С. П. Толстов на основе материалов археологических исследований в Хорезме установил признаки упадка античного общества в IV—VI вв. [1, с. 27—29]; термин «античный» впервые применен им к изучению истории Средней Азии для характеристики общества по своей сущности рабовладельческого¹. Начало эпохи средневековья он относил к VI—XI вв. [1, с. 29].

А. Ю. Якубовский рассматривал время между VI и началом VIII в. как период осуществления в Средней Азии специфического варианта разложения рабовладельческих отношений и феодализации; этот процесс был прерван арабским завоеванием. По его мнению, в VII—VIII вв. еще сильным был рабовладельческий уклад, а процесс феодализации нашел проявление, в частности, в развитии в эпоху халифата особого, организуемого государством института взимания налогов с крестьян. Общество Средней Азии VII—VIII вв. он еще не мог назвать феодальным [3, с. 33—35].

Таково было состояние вопроса о периоде перехода от рабовладельческого общества к феодальному в конце 40-х годов.

В дальнейшем, до начала 70-х годов, велась разработка письменных источников, освещающих вопросы становления феодализма, происходило накопление археологических материалов. Итоги этих работ в какой-то степени подвели А. М. Мандельштам, считавший VI—VII вв. рубежом рабовладельческой и феодальной эпох [4, с. 53, 54], и Б. Г. Гафуров, пришедший к выводу, что «оседлые области Средней Азии в V—VIII вв. вступают на путь феодального развития» [5, с. 299].

Во всех республиках Средней Азии широко развернулись археологические исследования раннесредневековых памятников, которые обеспечили возможность активной разработки проблем раннесредневековой истории и определили выделение особого раздела археологической науки — раннесредневековой археологии [6, с. 3]. Наибольшее развитие исследования раннесредневековых памятников получили в Согде, главным образом в связи с крупными раскопками, проводившимися все послевоенные годы в Пенджикенте [7, с. 94—110]. Но и в других областях Средней Азии накоплен археологический материал, который служит ценным источником для изучения этого малоизученного периода становления феодальных отношений.

Известно, что археологические источники по своему характеру не могут прямо отражать факты социальной истории, развитие социально-экономических отношений, в данном случае такие моменты процесса феодализации, как пути присвоения земель и формы землевладения [8, с. 12, 13]. Но они содержат ценные сведения о характере используемых средств производства, о типах жилищ, их различиях по размеру,

¹ Значительно позже А. М. Беленицкий было высказано мнение, что по состоянию разработки письменных и археологических источников общественный строй дофеодальной Средней Азии нельзя определить как рабовладельческий [2, с. 71—75]. Однако во всех обобщающих работах принято это определение.

назначению, содержанию и специфике памятников материальной культуры. Анализ этих и других данных обеспечивает возможности опосредованного восстановления многих особенностей обстоятельств жизни различных групп населения. Например, комплексное исследование разного рода памятников: развалин замков, поселений различной величины и особенностей их планировки, расположенных по соседству на ограниченной территории и примерно одновременных — обеспечивает сведения о характере их взаимосвязи как своеобразных населенных территориально оформленных единиц, связанных с разными социальными группами населения. Последние, безусловно, находились в каких-то определенных производственных отношениях. Именно поэтому анализ состава материалов и пространственной взаимосвязи разных археологических памятников (поселений, замков и т. д.) и изменения их характера во времени может дать необходимые сведения для опосредованной реконструкции некоторых сторон социальной жизни обитателей поселений, прежде всего их взаимозависимости.

Собственно, этот метод комплексного изучения памятников (групп поселений) не нов. В Хорезме, например, проведено комплексное изучение памятников Беркут-Калинского оазиса [9], в Киргизии — памятников долины р. Чу [10], на юге Узбекистана — памятников Карпинского оазиса [11]. При сопоставлении результатов комплексных археологических исследований раннесредневековых поселений в названных трех областях, отличающихся своими природными условиями и особенностями исторического развития, можно выявить и некоторые показатели, позволяющие в большей или меньшей степени исследовать, например, характер усложнения связей поселений рядовых землевладельцев с замками или усадьбами, явно принадлежавшими господствующим слоям населения. Анализ таких явлений позволяет ставить вопрос о воссоздании некоторых особенностей процесса возникновения и становления феодальных отношений.

Развитие производительных сил обществ в значительной мере обусловлено природными условиями. В Нахшебе, в оазисе низовой части долины Кашкадарьи, окруженном травянистой степью, они благоприятствовали как развитию земледелия (хотя и с определенными ограничениями из-за скудости водных ресурсов), так и скотоводству. В Хорезме для развития земледелия были более благоприятные условия, водные ресурсы были неограниченными, все зависело от ресурсов рабочей силы. В долине р. Чу природные условия благоприятны для обоих видов хозяйственной деятельности, но в прилегающих горных долинах они были более благоприятны для занятия скотоводством: это обстоятельство обусловило преимущество обществ, занимавшихся скотоводством.

Обратимся прежде всего к Нахшебу. В первые века до нашей эры — первые века нашей эры это был земледельческий оазис площадью около 2000 км², с главным городом, развалинами которого является городище Ер-Курган (площадь около 150 га), находящимся в восточной части оазиса, лучше обеспеченной водой. По краям оазиса расположены крупные памятники, развалины особо укрепленных поселений, что свидетельствовало о централизованном управлении. Поселения прямоугольные в плане, более крупные из них с вышкой в центре или в одном из углов. Керамические изделия почти исключительно ремесленного производства (станковой работы).

В III—V вв. произошли значительные изменения в расположении поселений, число их возросло в восточной части оазиса, среди них начали появляться поселения нового типа, овальные в плане, двухъярусные, с вышкой — развалинами замка и с прилегающей площадкой. К концу периода забрасываются некоторые поселения на северной и западной окраинах, приходит в упадок или вовсе покидается жителями столица оазиса (Ер-Курган).

В керамическом производстве наблюдается некоторый упадок — сосуды изготовлялись не столь высокого качества, много изделий лепной работы.

Некоторые особенности социальной структуры выявлены при сплошном исследовании сельской округи в восточной части оазиса. На площади примерно в 150 га исследованы памятники трех категорий: развалины относительно крупного замка (Пирмат-бабатепе), определенного как жилище аристократа; трех бугров — развалин довольно капитальных построек, определенных как жилища большесемейных общин; несколько невысоких расплывшихся бугров — развалин неукрепленных жилищ отдельных небольших семей [11, с. 68—78, 100—103]. Все эти поселения явно земледельческие и возникли не ранее III в. н. э.

Знаменателен факт появления в этот период (III—V вв.) двухъярусных поселений: их планировка, преимущественно лепная керамика и характер наслоения в нижних ярусах, определяемых как дворы и в то же время как загоны для скота (в них много органических остатков), дают основание предполагать, что обитатели их занимались скотоводством. Возможно, это были перешедшие к оседлости кочевники. В условиях Нахшеба они могли, не оставляя скотоводства, постепенно переходить к земледелию. Можно отметить некоторое усовершенствование орудий труда: появляются ручные жернова, хотя в употреблении еще были и зернотерки.

В V—VI вв. возникают новые двухъярусные поселения. К их числу можно отнести замок с двором в месте распределения воды для орошения значительной части оазиса: вокруг него позднее развился главный город оазиса — Несеф [11, с. 56, 57]. Многие древние сельские поселения приходят в упадок: замок аристократа (Пирмат-бабатепе) оставлен, как и соседние с ним более мелкие постройки. Но у подножия другого замка (Айтутды-Тепе) выросло довольно значительное поселение [11, с. 79—82]. Эти топографические, четко прослеживаемые признаки изменения в расселении, сосредоточение населения вокруг одного из замков с достаточным основанием можно интерпретировать как новую взаимосвязь земледельцев — непосредственных производителей и владельцев замков, которая, по-видимому, отражает процесс углубления зависимости первых от аристократии, в чем и проявляются моменты начала процесса феодализации в V—VI вв.

В VI—VII вв. Средняя Азия находится под властью западнотюркского каганата. В исследованной сельской округе появляется типичное двухъярусное поселение с замком Куль-Тепе [12, с. 105—114]. По некоторым новым элементам в керамическом комплексе можно установить, что они привнесены новым этносом — тюркским, а замок основал тюркский феодал. Рядом сохранились замки местной аристократии (Айтутды-Тепе, Пишак-Тепе).

Итак, в Нахшебе на основе установленных изменений в характере расселения земледельцев можно выделить три этапа во взаимоотношениях между владельцами замков и непосредственными производителями.

На первом этапе (III—V вв.) существовали небольшие по размерам поселения, обитатели которых, как можно полагать, обладали относительной независимостью от владельцев замка.

На втором этапе (V—VI вв.) почти все население сосредотачивается возле замков, в чем можно видеть признак усиления зависимости непосредственных производителей от аристократии.

Для третьего этапа (VI—VII вв.) также характерно сосредоточение населения возле замков, а также появление новых (Куль-Тепе). Такой характер расселения и появление новых замков может свидетельствовать о новой роли последних, когда владельцы их могли выступать хозяевам прилегающих земель. В этой связи уместно привести свидетельство письменного источника, относящегося к бухарскому оазису, но косвенно подтверждающее ситуацию, которая могла сложиться в исследованной сельской округе. «В то время был один великий дихкан, которого называли Бухар-худат, потому что он происходил из древнего дихканского рода. Земельные участки большею частью принадлежали ему, и большинство остальных людей были или крестьянами, или слугами его» [13, с. 13].

Признавая, что приведенная реконструкция определенных фактов развития общества в переходной период дана на материалах исследования одной небольшой сельской округи, можно все же полагать, что отмечаемые явления носят общий характер, в них восстанавливаются наиболее характерные черты процесса феодализации в Нахшебе.

В Хорезме наиболее значительный материал в плане изучения динамики связей памятников различного рода получен в правобережных оазисах, орошенных каналами, проведенными веером от Амударьи к северу по направлению к возвышенности Султан-Уиздаг и ее отрогам. Эти оазисы представляют собой узкие полосы (3—5 км) возделанных земель вдоль каналов длиной до 40 км, разделенных барханными песками; общая площадь этой части Хорезма примерно равна Нахшебу (1500—2000 км²).

Открытие этих оазисов было одним из первых и крупных достижений экспедиции, возглавлявшейся С. П. Толстовым. В 1937 г. их впервые обследовал А. И. Тереножкин, восстановивший облик края, интенсивно обживавшегося в раннем средневековье [14, с. 168—188]. К настоящему времени Е. Е. Неразик завершила изучение этой части Хорезма. Она провела крупные раскопки в Беркут-Калинском оазисе и на одном из памятников соседнего оазиса — раннесредневековом замке Якке-Парсан [15, с. 3—40].

Отмеченная выше особенность расселения в Нахшебе, заключающаяся в том, что по краям оазиса были расположены наиболее крупные укрепленные поселения, в данной части Хорезма выражена еще более резко: это был несколько обособленный край, в период поздней античности защищенный расположенными вокруг крупными крепостями (некоторые из них — города) [16, с. 122]. Укрепленные поселения разбросаны по всей территории края, в особенности их было много в центральной части Беркут-Калинского оазиса.

Как уже указывалось, в конце 40-х годов С. П. Толстов период IV—VI вв. определял как время упадка античной культуры Хорезма. Для этого периода характерны прямоугольные в плане города. Развалинами крупнейшего из них, в то время уже находившегося в упадке, является Топрак-Кала (17,5 га). Поселения сельского типа — замки и неукрепленные поселения; все они относятся еще к рабовладельческому строю. Зарождение элементов феодальных отношений произошло в следующем периоде — афригидском (VI—IX вв.). Возникли города нового типа при замках — усадьбах крупных феодалов [17, с. 33]. Отмечается, что наиболее крупные замки расположены близ распределительных узлов оросительной системы. Намечается иерархия замков. «Однако это, конечно, еще не феодальная иерархия, ибо отсутствует пьедестал таковой — крепостная деревня» [17, с. 135]. Выявляются, таким образом, лишь зачатки или предпосылки формирования феодальной иерархии.

В работе 1962 г. С. П. Толстов придерживается прежней периодизации переходного времени от рабовладельческой общественно-экономической формации к феодальной. Концом рабовладельческого строя называются II—III вв. н. э., а в VI—VII вв. уже возникают средневековые города. В VII—VIII вв. ведутся феодальные войны. Период, предшествующий арабскому завоеванию, называется раннесредневековым [18, с. 246—249].

Как уже указывалось, большие работы по изучению памятников Хорезма периода раннего средневековья проведены Е. Е. Неразик, ей же принадлежит тщательный анализ материалов этих работ в плане раскрытия социально-экономических отношений, складывавшихся в то время. Периоду III—V вв. в Нахшебе (когда там намечаются явные перестройки в организации общественной жизни, связываемые, очевидно, с разложением рабовладельческого строя) соответствует в Хорезме период купано-афригидский (III—V вв.) — время упадка античной культуры [17, с. 33]. Дальнейшие исследования подтвердили этот тезис (с некоторым уточнением в дате — кризис датируется V—VI вв.) [19, с. 219]. В Хорезме памятники этого времени, как отмечает Е. Е. Неразик, малочисленны и мало исследованы. Установлено, что в строительстве капитальных зданий еще прослеживаются античные фортификационные тра-

диции. Однако в VII—VIII вв. складываются новые типы поселений [19, с. 172, 173].

В Беркут-Калинском оазисе Хорезма выявлено 140 поселений разных видов, из них большая часть расположена в середине течения магистрального канала, между Тепшик-Калой и Уй-Калой [9, рис. 1 и 22]. На этом участке усадьбы располагались на расстоянии 200—300 м одна от другой. Конечно, промежутки между ними — орошенные земли — были все возделаны, это был район наиболее интенсивной земледельческой культуры.

В конце VII — начале VIII в. здесь наблюдается повсеместное укрепление даже небольших поселений сооружениями башенного типа — донжонами. Они воздвигались чаще всего в месте входа, но также и в других местах укреплений — в центре, в середине одной из сторон ограды или в углах. Е. Е. Неразник объясняет факт постройки донжонов как меру подготовки жителей усадеб к нашествию арабов, вооруженных стенобитными приспособлениями [9, с. 65, 66]. Однако вряд ли владелец каждой отдельной усадьбы намеревался вступать в борьбу с иноземным завоевателем в одиночку; что же касается применения стенобитной техники, то можно найти в стенах и более слабые места, помимо донжонов. Позднее высказано предположение о привнесении в Хорезм такой архитектурной формы, как башни-донжона, с севера [19, с. 180—182].

С. П. Толстов отмечает, что весь ландшафт оазиса говорит «о бурной эпохе непрерывных войн, о людях, живущих в постоянном страхе перед нападениями врага» [16, с. 198]. Врагами могли быть не только иноземные завоеватели, но и соседи. Этнографические наблюдения позволяют несколько конкретизировать обстановку, в которой жили обитатели укрепленных усадеб.

И. М. Рейснер приводит свидетельства авторов первой половины и середины XIX в. о некоторых особенностях расселения и быта афганских племен в период становления феодализма. Приведем некоторые выдержки, характеризующие обстановку в земледельческих поселениях афганцев того времени. «Поля принадлежат главе семьи, который с 7 или 8 домами своих родственников занимает небольшой укрепленный форт, господствующий над обрабатываемой землей... Дома располагаются по внутреннему обводу стен, а их крыши служат платформой, откуда защитники форта могут вести огонь через бойницы в стене. Свободное пространство в середине форта используется как загон для скота и для устройства хранилищ фуража и провианта» [20, с. 133]. Эта картина очень напоминает обстановку в Беркут-Калинском оазисе, что отмечает и И. М. Рейснер [20, с. 134].

Какие же отношения складывались между земледельцами в густо заселенных районах? «В стране юсуфзаев, как и баннучей, земледelec выходил на полевые работы в полном вооружении и ни на минуту не расставался с мушкетом. Во время жатвы каждый канди выделял вооруженную охрану, которая несла караул, обеспечивая безопасность жнецов и доставку собранного урожая в деревню» [20, с. 138].

Подобные же отношения, хотя, безусловно, в измененном виде, могли складываться и между обитателями укрепленных усадеб в Беркут-Калинском оазисе в VII—VIII вв. В густо населенной местности могли происходить споры из-за земли и распределения воды, необходимо было заботиться и об охране посевов и урожая. Все это и вынуждало жителей небольших усадеб воздвигать донжоны на той стороне своего «форта», где были расположены их поля. Помещения в донжонах могли быть и жилыми, в особенности в замках феодалов.

Аналогичные явления могли происходить и в Нахшебе. Здесь в V—VI вв. воздвигались и небольшие, как правило, поселения с вышками. В особенности характерно расположение группы памятников, известных под названием Даляшкан-Тепе. Эта группа состоит из четырех бугров, причем вышки трех из них обращены в разные стороны [11, с. 60, 61]. Конечно, такое расположение, надо полагать, диктовалось целями защиты возделываемых полей.

Социальные отношения, которые могли складываться между обитателями укрепленных поселений Хорезма, детально исследованы в работах Е. Е. Неразик [19, с. 219—224]. Здесь ограничимся лишь сопоставлением двух зданий. Это усадьба 28 в Беркут-Калинском оазисе и замок Якке-Парсан, расположенный в соседнем оазисе, орошаемом отдельным магистральным каналом.

Усадьба 28 находилась вблизи русла канала, примерно на одинаковом расстоянии между Беркут-Калой и Тешик-Калой. Вначале здание не имело донжона, он был воздвигнут позднее — в конце VII или в начале VIII в., видимо, в связи с увеличением количества поселений и возникшей необходимостью усиления охраны посевов. Размеры здания невелики — 26×26 м, размеры донжона 10×8 м. Для планировки усадьбы характерно наличие коридора в середине здания, по сторонам которого расположены «секции», преимущественно двухкамерные [9, с. 76—81, рис. 43, 1]. Это здание определяется как «жилище членов земледельческой общины, а не феодала» [9, с. 114]. Такая планировка здания в какой-то степени отражает специфические условия организации жизни членов общины, которые могут быть связаны с распадом большесемейной общины на малые семьи.

Якке-Парсан является развалинами крупного замка площадью в 74×54 м, с донжоном размером 24×24 м, т. е. почти равным всей усадьбе 28. Памятник многослойный. Жизнь на нем протекала с IV по начало VIII в. [15, с. 5, 37]. Раскопками выявлено три строительных горизонта, наиболее исследованный из них — средний. Нижний слой датируется IV—V вв., верхний — началом VIII в., следовательно, средний слой, для нашей темы наиболее интересный, датируется VI—VII вв. В это время в донжоне было восемь помещений, из них центральное, парадное, было перекрыто куполом. Надо полагать, что в донжоне обитал владелец с семьей.

Все остальные помещения расположены вдоль внешних стен, со входами со стороны донжона. Планировка этих помещений различная. Западную сторону занимали трехкомнатные секции с отдельными кладовыми, северную — двухкомнатные секции, в восточной части — многокомнатный дом с коридором посередине. Наконец, за стеной замка — убогие помещения, в которых, по предположению Е. Е. Неразик, возможно, жили рабы [19, с. 223]. Жители западной части замка хранили запасы в своих кладовых; следовательно, происходил дележ урожая между семьями, но по какому принципу — этого на археологическом материале установить невозможно. Может быть, каждая семья получала урожай с участка, который сама и обрабатывала. В подтверждение этого предположения можно привести этнографическую параллель.

В середине XIX в. у одного из афганских племен — гильзаев «земля еще считалась общей собственностью семьи в лице ее главы. Однако обработка земли велась отдельными семьями, и земля (пахотная) находилась в пользовании таких семей. Во всяком случае, малые семьи, входившие в состав большой патриархальной семьи, имели отдельные очаги и отдельные жилища» [20, с. 133, 134]. Отдельные очаги имели и семьи, обитавшие в укрепленном поселении Якке-Парсан. Здесь вдоль западной стены открыто девять групп помещений. Можно предполагать, что в них размещались семьи наиболее привилегированной части непосредственных производителей, по своей социальной функции — предшественников класса крестьян, независимо от того, являлись ли они родственниками владельца или не были ими: родственные отношения могли быть только оболочкой, под которой формировались классы феодалов и крестьянства. Это может относиться и к семьям, жившим в северной части замка.

Выше отмечена густота расположения поселений в Беркут-Калинском оазисе, но совсем другая картина в зоне канала, питавшего поселение Якке-Парсан: здесь вдоль канала до недавнего времени было известно всего пять-шесть усадеб, причем ближайшие из них находились в 2 км от городища. Чем объяснить такое различие в расположении и количестве усадеб? Можно предположить, что в Беркут-Калинском оазисе суще-

ствовали условия, способствовавшие выделению членов большесемейных общин в отдельные хозяйства, с постройкой зданий, как это видно на примере усадьбы 28. В Якке-Парсанском оазисе значительная часть непосредственных производителей должна была жить в замке. Возможно, в таком размещении непосредственных производителей отразился более ранний этап развития феодализма в условиях Хорезма².

Изучению археологических памятников долины р. Чу посвящены многие труды советских археологов. Обобщение работ, посвященных изучению памятников раннего феодализма, проведено в монографии П. Н. Кожемяко [10] и в коллективном труде «История Киргизской ССР» [21]. Широко использованы археологические материалы наряду с этнографическими в недавно выпущенной книге К. И. Петрова [22]. Эти работы обеспечивают возможность использовать археологические данные для рассмотрения особенностей процесса феодализации в этой культурно-исторической области в сравнении с соответствующими этапами истории Нахшеба и Хорезма.

Если в Хорезме и Нахшебе высокая культура земледелия известна с глубокой древности, то в Семиречье земледелие возникло относительно поздно. В самой долине р. Чу пока неизвестны земледельческие поселения древнее V—VII вв., но о том, что они могли быть, говорят исследования в соседних областях. Впервые поселение оседлых земледельцев, датированное II—V вв., было открыто в соседней долине р. Талас [23, с. 71, 72]. Более полные сведения о земледельческой культуре поры усуней (первые века до нашей эры — IV—V вв. н. э.) получены в восточной части Семиречья — там на поселении Актас были найдены каменные мотыги и обломок бронзового серпа, а в его окрестностях — следы каналов и обработанных участков [24, с. 71, 72].

О дальнейшем прогрессе земледелия в Семиречье может свидетельствовать факт находки уже в самой долине р. Чу, на городище Ак-Бешим в здании VII—VIII вв. деревянного плуга со следами железного лемеха и жернова водяной мельницы диаметром 1,5 м [25, с. 202]. Эти находки показывают, что в VII—VIII вв. по уровню развития земледелия долина р. Чу уже не отставала от древних земледельческих оазисов Средней Азии.

В III—V вв., когда в Нахшебе и Хорезме происходило разложение рабовладельческого строя, в долине р. Чу преобладало кочевое население. Прямые свидетельства письменных источников о социальной организации кочевников отсутствуют. Только на основе этнографических наблюдений можно предполагать, что феодальные отношения возникали здесь в процессе постепенного углубления социального расслоения общества, развивавшегося еще в условиях господства родо-племенных отношений; с одной стороны, выделялась родовая аристократия, захватывавшая в свое пользование пастбища и скот и в то же время ставившая в зависимое от себя положение своих сородичей, поскольку нужны были работники для ухода за скотом. Род «стал формой организации феодального господства и подчинения, превратился в своеобразную надстройку кочевого феодального общества» [26, с. 440]. С другой стороны, социальные антиподы родовой аристократии или попадали в полную зависимость, или же принуждены были переходить к оседлости и земледелию.

Первые сведения письменных источников о социальной структуре кочевых народов донесли до нашего времени орхонские надписи VI—VIII вв. и рунические тексты VII—IX вв. Этим памятникам письменности посвящена обширная литература, они многократно интерпретировались с целью определения социальных отношений оставивших их обществ [27, с. 20—52; 28, с. 148—169; 29, с. 55—69]. Приведенные в них

² В беседе с автором Е. Е. Неразик сообщила, что в последние годы в Якке-Парсанском оазисе открыты ранее неизвестные развалины усадеб; общее их количество теперь превышает 20 памятников этого типа; возможны и дальнейшие находки развалин раннесредневековых усадеб. Однако и в этом случае остается существенное различие в густоте расположения усадеб в сравнении с Беркут-Калинским оазисом.

данные относятся к странам, расположенным преимущественно далеко к востоку от долины р. Чу, но и они в какой-то степени могут характеризовать начальный этап развития феодализма в этой долине. Сам характер этого источника — надписи на надгробных памятниках феодальных владык, — конечно, ограничивает объем приводимых сведений, но по их текстам восстанавливается иерархия, которую можно назвать уже феодальной. Перечисляются титулы, пазируются члены семейств, родственники, а также и «черный народ», под которым в принципе можно понимать все подвластное трудовое население. Исходя из содержания этих текстов, можно считать, что представители господствовавшего класса кочевого населения, хотя и жили в условиях большой патриархальной семьи, но по отношению к «черному народу», владетель и члены его семейства, до самых отдаленных родственников, были феодалами. Уход какого-либо рода или группы из-под их власти на другую территорию считался тягчайшим преступлением и сурово карался; можно полагать, что это была особая форма крепостного права.

Из содержания надписей также известно, что в среде кочевых обществ было много рабов, преимущественно военнопленных, которых принудительно заставляли заниматься земледелием и ремеслами. Значительный стимул развитию земледельческих поселений дали согдийские переселенцы [30, с. 39, 40], по своим занятиям земледельцы, ремесленники и купцы.

Река Чу, выходя из предгорий, принимает на своем пути с южной стороны свыше 20 рек, удобных для устройства водозаборных сооружений [10, с. 6, 7]; большой торговый путь пересекал все эти реки, и в основном вдоль него расположены земледельческие поселения долины, в среднем с интервалом в 10—14 км. Самые ранние из поселений возникли в V—VII вв., т. е. в то время, когда в Нахшебе население сосредоточивалось около замков. В Беркут-Калинском оазисе в конце этого периода усадьбы укреплялись донжонами. Поселения Чуйской долины в своей планировке уже имели две части раннесредневекового города — цитадель и шахристан, но вместо рабада — торгово-ремесленного предместья, позднее наиболее оживленной части среднеазиатского города, здесь образовывался небольшой земледельческий оазис с разбросанными по его территории домами-усадьбами с интервалом 50—100 м между ними, как это установлено на примере Краснореченского городища [10, с. 71]. Это в какой-то мере напоминает расположение усадеб в Беркут-Калинском оазисе, но здесь они расположены значительно гуще, что объясняется особыми общественно-политическими условиями.

В Нахшебе и Хорезме во все периоды становления феодальных отношений государство в значительной степени обеспечивало общую охрану сельских поселений и их земледельческих угодий. Прямым свидетельством существования централизованного государства в Хорезме является тот факт, что выпуск традиционной монеты с I в. н. э. до начала IX в. «осуществляла династия, в руках которой в течение всего этого исторического периода находилась власть над страной» [31, с. 73]. Но в долине р. Чу во второй половине I тысячелетия н. э. формы объединений и политического устройства были неустойчивыми, население каждого из возникавших небольших земледельческих оазисов должно было заботиться об охране своих возделанных земель. Эти земли, окруженные степями и горами с кочевым или полукочевым населением, нужно было огораживать крепостными стенами, в их пределах и должны были жить земледельцы и даже скотоводы. К. И. Петров предлагает такие поселения называть «аграризованными городами» [22, с. 134]; всего в Чуйской долине он насчитывает 19 таких городов³. Причисляя все эти поселения к категории городов, К. И. Петров жителей их называет горожанами и считает, что «городские земледельцы с особым укладом их хозяйства не представляли собой „крестьянства“, как в сельских местностях, и вообще здесь

³ Некоторые из этих городов, по расчетам К. И. Петрова, имели население менее 1 тыс. человек [22, с. 162], что все-таки делало их более похожими на сельские поселения.

все-таки не было деревни как таковой» [22, с. 200, 201]. С этим выводом вряд ли можно согласиться: если даже некоторые жители этих поселений совмещали труд земледельца с трудом ремесленника, все же главную часть непосредственных производителей в этих «аграризованных городах» составляли земледельцы, они и являлись по своему положению крестьянами.

Кроме «аграризованных городов» в Чуйской долине отмечено свыше 40 мелких поселений типа крепостей [10, с. 131–166]. П. Н. Кожемяко подразделяет их на две группы по местоположению: расположенные в долине, близ городищ с длинными стенами, и вдали от них — у горных ущелий. Только на немногих из них выявлены наслоения VII–VIII вв., большая их часть существовала в X–XII вв., уже в период развитого феодализма. Первые из них, видимо, связаны с хозяйственной деятельностью жителей городов, при закреплялось право владения на окрестные земли [22, с. 95, 96]. Крепости около ущелий, можно предполагать, основывались полусоседлыми феодалами для использования пастбищ в замкнутых горных долинах и вокруг крепости, также на правах владения.

В заключение рассмотрим несколько общих вопросов развития культуры в Нахшебе, Хорезме и в долине р. Чу в период становления феодализма.

В Нахшебе на этапе разложения рабовладельческого общества (III–V вв.) наблюдается как бы некоторый упадок производительных сил, выражающийся в ухудшении качества керамических изделий, появлении в массовых количествах изделий лепной работы. Забрасываются некоторые орошенные земли на окраинах. К концу этого периода относится и упадок крупнейшего города оазиса, что, надо полагать, вызвано скорее политическими причинами [32, с. 201–207]. Однако есть факты и положительного порядка. Установлено, что вся исследованная сельская округа в восточной части оазиса возникла не ранее III в. н. э. Прослеживается переход кочевников к оседлости и земледелию, что выражено в появлении двухъярусных поселений. Отмечено усовершенствование одного из орудий труда — постепенная замена зернотерок ручными жерновами.

В Хорезме в кушано-афригидский период (IV–VI вв.), в условиях еще рабовладельческого общества, отмечается общий упадок культуры, но в то же время положено «начало коренного переустройства системы орошения на основе новых, уже средневековых гидротехнических решений» [33, с. 138]. Совершенствуются орудия труда, что также видно на примере замены зернотерок жерновами [34, с. 121]. Признак феодализма можно видеть в появлении иерархии замков.

Здесь уместно остановиться на вопросе о том, почему земледельцы Хорезма в VII–VIII вв. расселялись в укрепленных усадьбах. Е. Е. Неразик выдвигает гипотезу, согласно которой «расселение земледельцев Хорезма афригидского периода в усадьбах было связано со спецификой хозяйства, основанного на поливном земледелии, которое в условиях дельты Амударьи носило особый характер, отличный от известного на других территориях Средней Азии» [9, с. 15]. Конечно, орошение в условиях такой крупной реки, как Амударья, имеет свои специфические особенности. Но дальнейшее развитие гипотезы Е. Е. Неразик, ссылающейся на невозможность селиться на берегу этой капризной реки и об удобстве располагать жилища вблизи полей и арыков, по нашему мнению, не улавливает именно специфики условий хозяйствования в данной местности. Выше уже был отмечен факт устойчивости государственности в Хорезме, выразившейся в почти тысячелетнем существовании одной династии и одного типа монет, несмотря даже на смену общественно-экономических формаций. Отмечался и факт переустройства ирригационной сети как раз в переходный период. Устойчивость государственности, можно полагать, вызывалась именно необходимостью содержать в порядке ирригацию оазиса, для чего требовалась концентрация усилий многих тысяч земледельцев. Это и могло осуществить государство. Но если существовала государственная власть, то земледельцам незачем было окружать свои возделанные земли крепостными стенами, как в долине р. Чу, или селить-

ся у подножия замков, как в Нахшебе. Защиту от иноземных завоевателей должно было принять на себя государство, а укрепления земледельцев предназначались для обычной охраны жилищ и посевов от соседей и мелких групп кочевников, которых, видимо, вокруг Хорезма было относительно немного: кормовые ресурсы пустыни скуднее пастбищ степей и гор⁴.

В Нахшебе и Хорезме в период становления феодализма известны явления некоторого упадка в культуре, но они объяснимы не общим упадком производительных сил общества, а расширением и усилением влияний передовых земледельческих обществ на кочевников, обратное влияние которых и дает некоторые признаки упадка, например в керамическом производстве или в оставлении древних городов. Вот что пишет по этому поводу Г. Ф. Ильин: «В период раннего средневековья темпы исторического процесса замедлялись, а в некоторых странах Европы и Азии, подвергшихся в конце древности особенно сильному натиску со стороны племенной периферии, наблюдается экономический упадок — натурализация хозяйства, падение роли городов, ослабление международных торговых и культурных связей» [35, с. 88].

Важным элементом в определении специфики становления феодальных отношений в долине р. Чу является факт возникновения своеобразных «аграризованных городов». Хотя на многих развалинах этих городов уже велись археологические раскопки, но они преимущественно носили разведочный характер. Процесс их возникновения можно восстановить с учетом общеисторической обстановки того времени. Конечно, эти города возникали в местностях, уже в некоторой мере освоенных земледельцами. Древнейшая их часть — цитадель и шахристан — возникали в V—VII вв. Но кем они были основаны — кочевыми владыками? По этнографическим материалам и данным письменных источников известно, что к оседлости и земледелию первыми переходили лишь беднейшие слои кочевого населения, вряд ли недавние кочевники имели возможность приступить к устройству монументальных крепостных сооружений. Среди этих земледельцев в указанное время были уже согдийские переселенцы, обладавшие гораздо более высокой культурой земледелия. Очевидно, они, их аристократия, и были инициаторами и руководителями воздвижения крепостных сооружений, обычных в Согде. Конечно, для этого нужно было обладать достаточными материальными средствами и определенным политическим влиянием, которым, видимо, и располагали представители согдийской аристократии. Это видно из того факта, что в ставку восточно-тюркских каганов в 731 г., на похороны Кюльтегина, прибыл из Семиречья и представитель согдийской знати наряду с кочевыми феодалами и посланцами соседних государств [36, с. 7—11].

В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что основателями цитаделей и шахристанов городов долины р. Чу были согдийцы, сумевшие мобилизовать для этой цели ресурсы местного земледельческого населения. Возможно, что на более поздних этапах развития городов укрепления возводили и переходившие к оседлости кочевые феодалы.

Как и в других регионах мира, феодализм в Средней Азии развивался в различных ее культурно-исторических областях на основе двух общественно-экономических формаций — рабовладельческой (Нахшеб, Хорезм) или первобытнообщинной, на поздней стадии ее развития (долина р. Чу). На этой первичной основе конкретные особенности ранних этапов развития феодализма определялись сочетанием многих факторов — природных, социально-экономических, политических.

⁴ Е. Е. Неразик в беседе с автором выразила мнение что особенность расположения сельских поселений в Хорезме как бы отдельными хуторами, возле арыков, вызвана необходимостью постоянного наблюдения за уровнем воды в них. Кроме того, она считает, что государственность в Хорезме при феодализме не была сильна в рассматриваемый период, ее ослабляли постоянные раздоры феодалов. Конечно, это верно, но также верно и то, что государственная власть должна была обеспечивать функционирование ирригационной системы в целом. Что же касается наблюдений за уровнем воды, то оно осуществлялось тщательно повсеместно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстов С. П. Периодизация древней истории Средней Азии.— КСИИМК, 1949, вып. XXVIII.
2. Беленицкий А. М. О «рабовладельческой формации» в истории Средней Азии.— КСИА, 1970, вып. 122.
3. Якубовский А. Ю. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.).— КСИИМК, 1949, вып. XXVIII.
4. История таджикского народа. Т. II, кн. 1. М.: Наука, 1964.
5. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
6. Массон В. М. Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана.— УСА, 1979, вып. 4.
7. Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийский город в начале средних веков.— СА, 1981, № 2.
8. Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М.: Наука, 1972.
9. Неразик Е. Е. Сельские поселения афритидского Хорезма. М.: Наука, 1966.
10. Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.
11. Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VI вв.). Ташкент: Фан, 1977.
12. Алимов У. Раскопки на Культепа в Каршинском оазисе.— ИМКУ, 1959, вып. 9.
13. Мухаммад Наршахи. История Бухары. Перевод Н. Лыкошина. Ташкент, 1891.
14. Тереножкин А. И. Археологические разведки в Хорезме.— СА, 1940, т. VI.
15. Неразик Е. Е. Раскопки Якка-Парсана.— Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 7. М., 1963.
16. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.— Л. 1948.
17. Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: МГУ, 1948.
18. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во вост. лит., 1962.
19. Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М.: Наука, 1976.
20. Рейснер И. М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
21. История Киргизской ССР. Фрунзе: Кыргызстан, 1968.
22. Петров К. И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала XIII вв. Фрунзе, 1981.
23. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина»/Составлены под руководством Бернштама А. Н.— МИА, 1950, № 14.
24. Акишев К. А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья.— В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
25. Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.— ТКАЭЭ, 1959, т. 2.
26. Баграков В. С. Особенности феодализма у кочевых народов.— В кн.: Научная сессия АН УзССР 9—14 июня 1947 г. Ташкент, 1947.
27. Толстов С. П. Тирания Аброя.— Истор. записки, 1938, № 3.
28. Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
29. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука 1964.
30. Бернштам А. Н. Согдийская колонизация Семиречья.— КСИИМК, 1940, вып. VI.
31. Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977.
32. Кабанов С. К. К вопросу о столице кидаритов.— ВДИ, 1953, № 2.
33. Андрианов Б. Д. Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука, 1969.
34. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957.
35. Ильин Г. Ф. Древность и средневековье. Проблема уровней развития производительных сил.— НАА, 1967, № 6.
36. Кляшторный С. Г. Согдийцы в Семиречье.— СЭ, 1959, № 1.

S. K. Kabanov

ARCHAEOLOGICAL DATA ON STUDY OF THE GENESIS OF FEUDALISM IN CENTRAL ASIA

(case-study of Nashkheb, Kwarazm and the Chu Valley)

The author discusses the results of archaeological research illustrating the process of the emergence and consolidation of feudalism in three historico-cultural regions of Central Asia — Nashkheb, Kwarazm and the valley of the Chu River within the 3rd-8th centuries period. The article reveals major specific features of this process engendered by natural, socio-economic and political factors. Nashkheb was characterised by land-tilling population living in immediate proximity to feudal castles; Kwarazm — by a hierarchy of castles which included fortified estates of the land-tillers; the Chu Valley — by urban-type settlements with a citadel, living quarters and walled land-tilling suburbs. In Nashkheb and Kwarazm feudalism developed on the basis of the preceding slave-owning structure, while in the Chu Valley it was an outcome of the development of the primitive-communal structure.